

Н. Г. Комелина (Санкт-Петербург)
Дневник охотника: прагматика, содержание, фольклор¹

N. G. Komelina (Saint Petersburg)
A hunter's diary: pragmatics, content, folklore

Аннотация

В статье рассмотрен промысловый дневник поморского охотника. Дневник М. А. Коптякова – рационализаторский проект наблюдений, научный подход к охоте. Ежегодные наблюдения позволяют ему делать выводы о цикличности погодных изменений, прилета птиц, повадок животных, наличие «рыбных» мест. Приметы, фиксируемые в этом документе, – скорее плоды собственных наблюдений.

Ключевые слова: *дневник, поденные записи, наблюдение, фольклор, приметы*

Abstract

The article deals with a diary of a pomor hunter. The M. A. Koptyakov's diary is a rationalization project of observations, a scientific approach to hunting. Annual observations allow him to draw conclusions about the cyclical nature of weather changes, the arrival of birds, the habits of animals, the presence of "fish" places. The signs recorded in this document are rather the result of his own observations.

Keywords: *diary, daily notes, observation, folklore, signs*

На его глазах раскрываются тайны жизни, иногда настолько увлекательные, что перед ними опускается книзу дуло ружья и охотник стоит очарованный открывшимся ему зрелищем. И какая потеря для знания, когда эти наблюдения остаются неизвестными для ученых! (*Преображенский П.* Охотник-краевед // Охота. Сборник краеведения и охоты. Самара, 1925. С. 9)

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 17-78-20194, <https://rscf.ru/project/17-78-20194/>, ИРЛИ РАН.

В отечественной фольклористике дневники принято рассматривать в рамках «наивной литературы»², по аналогии с наивным искусством. Однако такой подход скорее применим к произведениям мемуарного плана. В нашем случае – о стремлении автора приблизиться к высокой литературе не может быть и речи. Известны публикации крестьянских дневников и мемуаров XVIII–XX вв.³ Г. В. Маркелов в обзоре «крестьянских архивов» из Древлехранилища Пушкинского Дома описывает документы, которые были собраны за 40 лет в археографических экспедициях на Русский Север, среди них деловые бумаги, письма, мемуары и воспоминания, дневники и автобиографические записки⁴. А. В. Пигин в статье «Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова)»⁵ делает акцент на религиозном опыте, описанном в дневнике мезенского крестьянина.

В книге немецкого историка Й. Хелльбека «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи»⁶ говорится о распространении и интересе общественности 1920–1930-х гг. к дневнику как средству воспитания нового советского человека, о практике написания производственных дневников в рамках проектов М. Горького по «Истории фабрик и заводов» и др., использовании биографического нарратива в ранней советской литературе. Воспитательный момент, тема наблюдения и самонаблюдения, самоанализа и работа над собой актуальны и для дневника охотника.

И. Паперно⁷ рассматривает дневники 1980–2000-х гг. как персональные документы, которые сфокусированы на частном, личном и интимном и в то же время политизированы. Она обращается к дневникам Лидии Чуковской и к интерпретации снов о терроре в дневниках и мемуарах. Автор книги использует понятия «персональный опыт» и «персональный нарратив», квазиантропологический и психоаналитический подходы к анализу дневников.

Благодаря проекту «Прожито», на сегодняшний день в научный оборот введено более 3320 дневников.

Кажется, что дневник охотника отличается от дневника в привычном смысле слова. Он ближе к путевым запискам и похож на полевые дневники антропологов

² См.: Наивная литература: исследования и тексты. М., 2001 (см.: Веселова И. С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности; Минаева А. П. Наивные мемуары В. М. Малькова: опыт контент-анализа). Инна Веселова относит мемуары, дневники, письма и пр. к бытовой словесности. В зарубежной фольклористике для таких текстов используется термин «персональный нарратив» (см. работы Линды Дег).

³ Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. М., 2006; Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007.

⁴ Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 495–502.

⁵ Пигин А. В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источник по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова) // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. (<http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-17/1857.html>).

⁶ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

⁷ Paperno I. Stories of the Soviet experience: memoirs, diaries, dreams. Ithaca; London, 2009.

и этнографов. Описание не касается внутренней жизни человека, а имеет целью сделать наблюдения внешней жизни/природы/погоды/повадок животных и птиц и др.

Можно отметить сходство дневника охотника с метеорологическими заметками (например, дневником за 1880–1904 гг. неизвестного жителя города Корчева Тверской губернии, опубликованном в «Прожито»). Подобные наблюдения встречаются как самостоятельный жанр с XVIII в., но ближайшим для поморского охотника будет контекст наблюдения за погодой в рамках школьной программы⁸.

Кроме того, толчком к написанию дневника может служить «синдром Робинзона Крузо», проявляющийся в ведении дневника в условиях нехватки общения, отшельничества и изоляции. В проекте «Прожито» такой дневник за 1994–1995 гг., очень напоминающий по своему содержанию дневник нашего охотника, принадлежит анонимному зрителю кордона Унана в Кроноцком заповеднике (Камчатка)⁹.

Я не буду касаться обширной литературы, посвященной художественному осмыслению темы охоты, представленной «Записками охотника» (1852) И. С. Тургенева, «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) С. Т. Аксакова и др. В советское время охотничьи рассказы не теряют своей популярности, выходят отдельными сборниками и нередко основываются на дневниках или написаны в их форме¹⁰. Это беллетризованные, художественные тексты.

Документ, найденный в охотничьей избушке на Новосибирских островах и, по-видимому, совпадающий по прагматике и жанру с дневником охотника из окрестностей Койды, опубликован В. Л. Ивановым в книге «Архипелаг двух морей» (М., 1979). Дневник был найден в охотничьем зимовье на Фаддеевском острове. Это несколько страниц текста в ученической тетради. Записи датированы 1965–1967 гг. Иванов предполагает, что их автор – грамотный якут. Здесь нет подробной характеристики погоды, описывается дорога, охота, ремонт избушки, празднование Нового года. Публикатор дает подробные комментарии к довольно лапидарным записям охотника. Он замечает, что «взаимоотношения, сложившиеся между животным миром и охотником на Новосибирских островах, оптимизированы многолетней практикой. Промысловик сам выбирает уголья в зависимости от численности зверя. Он действует на свой страх и риск,

⁸ Валерьянова Е. А. Дневник наблюдений над природой [для школьников]. М., 1959. Близкий к дневнику М. А. Коптякова – дневник Н. И. Коворнина, крестьянина деревни Варзуга Терского берега Белого моря. См.: Власова М. Н. Вехи крестьянской жизни в устной и письменной фиксации // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 38. 2021. С. 130–158. См. также: Жадовская С. А. От дневника погоды к автобиографической прозе: личный архив в культурном пространстве малого города // Folkloristika. 2021. № 6/1. С. 107–123.

⁹ Хочу выразить благодарность Мише Мельниченко за указание на эти дневники, размещенные на сайте «Прожито».

¹⁰ В сборнике «Охотничьи просторы. Сборник очерков об охоте и наблюдениях на охоте» (М., 1950) в форме дневника (поденные записи) представлены очерки: Герман Н. Записки спаниэлиста. С. 199–205; Соколов-Микитов Ив. На родине птиц (Из таймырского дневника) С. 194–198.

руководствуясь лишь здравым смыслом, не вылавливает все поголовье и не уничтожает молодняк»¹¹. Как исторический источник предлагает использовать дневники сибирских охотников исследователь из Екатеринбурга А. П. Миханев¹². В 1920-е гг., в период расцвета краеведения, охотникам предлагалось заниматься изучением родного края. В статье самарского ученого П. А. Преображенского 1925 г. «Охотник-краевед» описана рационализация местного охотничьего дела, он говорит, что «охотник по самому характеру своего занятия является краеведом <...>. Важно, чтобы каждый охотник вел запись своих наблюдений, и притом не случайно, а постоянно и в известном систематическом порядке»¹³. Предлагается программа краеведческого обследования из 10 пунктов, включающая язык («горы, курганы, долины, овраги, леса, реки, озера, болота, луга с их названиями. Как объясняются эти названия местными жителями?»), наблюдения погоды, изменения ландшафта, прилет и отлет птиц, запись охотничьих рассказов и примет, описание промысловой охоты в данной местности (число охотников, виды охоты, сбыт добычи и др.), организации охотников. Последовал ли какой-то ответ на эту программу, неясно. Но дневники охотников дают ответы на некоторые пункты этой программы.

В 2014 г. в экспедиции на Зимний берег Белого моря мы познакомились с Михаилом Афанасьевичем Коптяковым (1948–2018), жителем деревни Койда Мезенского района Архангельской области. Он родился в выселке Ануфриевском, бывшем старообрядческом скиту. В мае 2018 г., в следующую поездку в Койду, мы не застали его в живых. Он умер незадолго до нашего приезда. Его дочь Оксана¹⁴ показала нам бумаги отца. Среди них наше внимание привлек дневник, который он вел с 1963 по 2013 г.

В 2014 г. в нашем разговоре мимоходом заходила речь о дневниках:

Соб. 2: Можно еще напоследок. Вот, нам говорили, что Вы воспоминания пишете? Есть такое? <...>

Инф. 1: Нет. Занятие. Я не пишу, я просто записываю, как, ну что там, как жили, жили. Не то что жили. Я про охоту только, про такое, про лес, про рыбу да все, больше ничего.

Соб. 1: Так можно спрашивать? Может быть...

Инф. 2: Чего говоришь-то? <...> Нет. Он говорит, про дневники, он говорит, что... что вел. Что ловил, да что застрелил. Вот, он говорит про это.

¹¹ Иванов В. Л. Тетрадь, найденная в охотничьей избушке // Иванов В. Л. Архипелаг двух морей. М., 1979. С. 148. Хочу сказать спасибо за указание на этот охотничий дневник Дмитрию Арзютову.

¹² Миханев А. П. Охотничий дневник как документальный источник // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 261–263.

¹³ Преображенский П. А. Охотник-краевед // Охота. Сборник краеведения и охоты / Издание самарского губернского отдела кооперативно-промыслового союза охотников при участии общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925. С. 11.

¹⁴ Малыгина Оксана Михайловна (1984 г. р.)

Записи наблюдений,
охотничьих и рыболовских
историй.

Начато — 31. III. 64.

За облаком до половинки скрыта,
Вид светитесь еще не имеет думи.
Вот лужь взлетел и прохужелоса сердито,
Вот лужь прошил, не шилея криком.
Покрились ливы естною золотистой,
Как парепел откликнулся вдали,
И слышу я, в издалеке ровнестой
Вломалась соринка в коростеги...

А. Фет.

Инф. 1: Там-то эдак часто.

Соб. 1: А погоду не записываете так, чтобы по дням? Какая погода и так далее?

Инф. 1: Нет. По дням-то я не. Там такое-то почаще. Там через день, может, или каждый день, так, потому что.

Места, в которых жил и охотился М. А. Коптяков, «заповедные», святые и загадочные. Выселок Ануфриевский, или Кельи – территория бывшего старообрядческого Ануфриевского скита. Он находился в 100 км от села Койда вверх по течению одноименной реки.

Дневники Михаил Афанасьевич вел на протяжении почти 50 лет. Тетрадь 1963 г. озаглавлена «Записи наблюдений, охотничьих и рыбацких историй». За 1974 г. дневник подписан как «Блокнот для охотничьих наблюдений». В первом документе автор декларирует, что он приступает к написанию дневника: «12 июня 1963 года я окончил школу, и с этого времени поведу наблюдения за погодой своего края (по возможности)».

Можно предположить, что практически все время дневник хранился в охотничьей избушке. В поездки в Койду и непродолжительные отлучки Коптяков дневник не брал, во всяком случае, не вел. Записи касаются исключительно окрестностей Келий, родины М. А. Коптякова, и мест, где он охотился.

Большие перерывы в ведении дневника были связаны со службой в армии и с отъездом на работу в Архангельск. Об этих перемещениях автор упоминает следующим образом:

Уехал в армию 15 сентября (1969 года). Прошло 1,5 года. Приехал в отпуск. Дичи мало. Куниц тоже, белки были много. <...> Произошло много изменений. Куда ехать после армии?!!!

10.06.69 г. Охота началась с 6 июня. Служба окончена. Демобилизовался 19 мая. Домой приехал 9 июня. Начинается новая жизнь. Снова наблюдения и записи.

В семейном архиве сохранилась вырезка из местной газеты, написанная председателем койденского сельсовета А. Малыгиным, озаглавленная «Секрет его успехов» и посвященная службе в армии: «Не посрамил парень своих земляков. За добросовестное выполнение служебных обязанностей и в честь 50-летия Ленинского комсомола имя Михаила Коптякова занесено на окружную Доску почета. Армейская газета “На страже Родины” в сентябре писала о нем. “У рядового Михаила Коптякова на груди четыре знака солдатской доблести. В его служебной карточке 26 поощрений. Секрет успеха солдата в глубоким пониманием ответственного за защиту Родины, в его старательности и настойчивости”».

Служба в армии для мужского населения Поморья (да, наверное, и в целом России) – важное событие в жизни, практически оно одно может составлять биографический рассказ. Если для девушки способом уехать из умирающей деревни становится учеба в городе и замужество, то для молодого человека способом изменить свою жизнь является армия. Служба повышает социальный статус парня.

Отъезд на работу продолжался с 1981 по 1986 г., в этот период у Коптякова родилась дочь.

17/10 (1981) Архангельск. Другая работа. Как дальше жить?! Надо включаться в работу. Как говорил Н. Островский, «Надо жить и когда жизнь становится невыносимой». Быть в какой-то мере полезным людям. До чего все перегорело в душе. Слишком много позволял другим, а о себе не думал. Не поздно ли всё начинать с начала?! Начинать не поздно, если за старое нет желания. Может, на новом месте все перегорит, и жизнь поможет почувствовать себя самим собой, но надо к этому стремиться. Все-таки пока есть, о ком заботиться.

Это, наверное, единственная запись в дневнике, носящая личный эмоциональный характер.

То, что дневник оставался в избушке во время непродолжительных отъездов Михаила Афанасьевича, свидетельствуют записи других лиц, сделанные на страницах блокнотов. Они были сделаны после 1995 г.

Здравствуй, Михаил! Залетели второй раз. Опять тебя нет. Передаем посылку от жены. Если будешь чего отправлять домой, оставь в избе. Работать будем в этом районе 2 дня. Может, и тебя вывезем, если будешь готов. На вертолетик маленькую лодку не взять. Взяли с десяток рыбок на уху.

Миша, я забыл складной стакан, когда были с Широким. Поищи.

На первых порах в них встречаются тексты, жанр которых можно определить как рыбацкий или охотничий рассказ. Со временем такие рассказы исчезают, уступая место назывным предложениям, описывающим природу, погоду и животных.

Когда стало тепло, прилетел лебедь. Теплым солнечным днем я пошел на Лахту и сел в шалашик. Скоро прилетел одинокий лебедь <...> После выстрела он поднялся, подлетел метров 500 и сел на лед. Я побежал, но река уже была полной, и мне пришлось открыть стрельбу со 100 м. После нескольких выстрелов-промахов явно он еще пролетел 200 м. и снова сел. Мне нужно было перейти реку. Я срубил березу, но она нехватила до берега, но там уже мелко. Я разул валенки и перешел. Дальше побежал в чулках. После торопливого выстрела он снова полетел обратно и сел в озеро. Я открыл стрельбу, но безуспешно. Только

перестрелил крыло. Кончались патроны. С полчаса караулил, думаю, подплывет ближе, но бесполезно. Остался один патрон. Я выстрелил наугад. Он продолжал плавать и заплыл в реку. Но что я мог с ним сделать. Бросал палками. Потом он снова уплыл на озеро <...>. Жалко, что пропадет. Я пробегал в вырвавшихся чулках о кустарник 2 часа по снегу. Все бесполезно. Потом догадался, это был лебедь-казак, оставшийся от матки, убитой мной на день раньше – самый первый лебедь, убитый мной. Первого гуся добыл из дробовки на Заводах. Подполз в укрытии по снегу и выстрелил. Ранил. Бежал за ним по льду больше 1 км. Догонил.

Автор дневника жил в верховьях реки Койды, в охотничьей избушке. Топонимика, используемая в записях, указывает на бывший Ануфриевский скит. Упоминаются такие значимые для этого монастыря места, как Святые отцы (святое место, захоронение основателей скита), Заводы (гора, в которой добывали мел), Поляна (скитские поселения назывались полянами, так как для них вырубался лес), Кельи. Среди других топонимов можно назвать Лахта, Кедовка, Койда-река, Тихие, Григорьево, Гнило, Сорожье, Паисеево, Березово, Окуниха, Падучий, Попово, Павники.

Приметы можно разделить условно на охотничьи и метеорологические:

Сияние спокойное – к холоду.

Если трещит мороз – к непродолжительному холоду.

Красная заря утром – к теплу, ветру, погоде (дождю).

В холод дичь смиреннее после тепла.

Сполохи играют – к ненастью. Лес шумит – к хорошей погоде.

Золотая вечерняя заря – к хорошей погоде.

Красное солнышко вечером – к теплу; белое солнце – к холоду, к погоде.

В теплую погоду белки бегают лучше.

В первый снег куницы не ходят.

Дичь смиреннее в теплую погоду и при смене температуры.

Глухари смиренны в темную, теплую погоду со снегом.

Сияние играет к теплу, ветру.

Медведь никогда не заляжет в том месте, где обнаружил следы человека.

На красную собаку дичь смиренней.

Перед погодой (ненастьем) у собак урчит в животе.

Записи Михаила Афанасьевича обычно короткие. Но есть довольно интересные заметки.

Запись от 2 апреля 1975 г.: «Погода теплая. Идет снег мокрый. Косачи у Листвичного. Урчат. = 15. Косачи редкие есть. Глухари, тетеры тоже. Рябчики, куропти понемножку. В общем, дичь редкая есть. Возможно расплодятся. Только бы урожайный год. Белки есть везде – гонятся. Была бы шишка! Горностаи есть.

Выдры живут повыше Лахты. Казак большой, matka. Бегают лисицы, следов много. Возможно гонятся. Проходила россомаха, ходит рысь. Куницы есть. Еды им хватает. Гонятся. Если не уйдут, то должны расплодиться и быть; Matka есть. В этом году охота была удачной, хотя погода позволяла много ходить. Весной можно долго охотиться. Желательно на казаков. Лосей не видно. Река выше Ралы хорошая. Можно попробовать проехать посмотреть хариусов. Расстояние не очень большое. Скоро нет прилетят утки, гуси, лебеди? Какая будет весна».

В этой цитате можно выделить: описание погоды (тепло, снег), перечисление дичи, на которую охотится наш герой (ее количество и локализация), далее прогностический аспект (была бы шишка (которую ест белка) – будет белка), по следам он выясняет, что проходила россомаха и рысь, бегают лиса, и выводы об успешности охоты и пожелания на будущий сезон (скоро нет прилетят утки, гуси, лебеди?)

Дневник Коптякова – рационализаторский проект наблюдений, научный подход к охоте. Ежегодные наблюдения позволяют ему делать выводы о цикличности погодных изменений, прилета птиц, повадок животных, наличия «рыбных» мест. Приметы, фиксируемые в этом документе, – скорее плоды собственных наблюдений.

Часто создается впечатление, что такое ежедневное описание и фиксация этих наблюдений тоже имеет отношение к приметам. То есть сама фиксация какого-то факта – уже примета. Например, Коптяков фиксирует прилет птиц, появление почек и пр. С годами увеличивается количество церковных праздников, в которые Коптяков делает записи. В первое время он отмечал только Пасху, позднее – еще Евдокию. В последние годы (после 2000 г.) – большинство церковных праздников (Рождество, Крещение, Благовещение, Петра и Павла и пр.).

Но рациональное иногда уступает место охотничьему азарту. Как я уже говорила, в дневнике практически нет личного, нет эмоций, переживаний. Однако в одном месте автор дневника замечает: *«Белки есть, но тайные. Тепло. Снегу не стало. Желание!!! Охота пуще неволи. Сильный ветер. Сетки снял. Сигов немного. 9 сеток осталось. В сильный ветер. Ходить бесполезно. Следы быстро теряют запах. Белкам нужна теплая тихая погода»*. Он отмечает, что «охота пуще неволи», и он в сильный ветер зря ходил на охоту и никого не добыл.

Охотничий участок, на котором добывал дичь Коптяков, ограничен. В поздних записях на страницах появляется, видимо, его напарник, и Михаил Афанасьевич иногда отмечает, поймал или не поймал тот рыбу и пр. В более ранних записях (1970-е гг.) можно встретить упоминание о деятельности ненцев: «Дичи не видно. Ход плохой. У болот ненцы выдобывали».

Оформление дневника заслуживает отдельного внимания. В дневник вклеены вырезки из газет. Коптяков украшает свои дневники картинками рыб, птиц, собак и пр., вырезанными из журналов и открыток. В оформлении обложки он использует стихотворения А. Фета и неизвестного автора про таежных охотников.

О внешнем мире, политике, других людях, собственных переживаниях в дневнике не говорится. Чрезвычайные ситуации отражаются редко и скупно:

22 В оксеньиной Лахте – погиб ЖУК – 22

23 – пал потолок в избушке – 23 Живы!

Можно осторожно предположить, что ведение такого дневника погоды/охоты – практика семейная. Однажды М. А. Коптяков замечает: «12 октября. Двадцать лет назад снег выпал тоже в это время» (1964 г.). В дневнике 1964 г. одно из важных лиц – фигура отца. Он учитель и образец для Михаила Афанасьевича: «Ходил 2 дня полностью, но никого не видал, а папа пошел на третий день по тому же пути и принес маракушу, тетеру, глухаря, куницу».

Дневник М. А. Коптякова, с одной стороны, наследует традицию ведения погодных наблюдений, распространенных в том числе среди крестьян в XIX–XX вв., с другой стороны, это промысловый дневник, мало связанный с аграрной культурой.

Литература

Валерьянова Е. А. Дневник наблюдений над природой [для школьников]. М., 1959.

Власова М. Н. Вехи крестьянской жизни в устной и письменной фиксации // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 38. 2021. С. 130–158.

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. М., 2006.

Жадовская С. А. От дневника погоды к автобиографической прозе: личный архив в культурном пространстве малого города // Folkloristika. 2021. No 6/1. С. 107–123.

Иванов В. Л. Тетрадь найденная в охотничьей избушке // Иванов В. Л. Архипелаг двух морей. М., 1979.

Наивная литература: исследования и тексты. М., 2001.

Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007.

Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 495–502.

Миханев А. П. Охотничий дневник как документальный источник // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 261–263.

Охотничьи просторы. Сборник очерков об охоте и наблюдениях на охоте. М., 1950.

Пигин А. В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источник по изучению народной культуры (дневник Г. Я. Ситникова) // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-17/1857.html>

Преображенский П. А. Охотник-краевед // Охота. Сборник краеведения и охоты / Издание самарского губернского отдела кооперативно-промыслового союза охотников при участии общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925. С. 7–13.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

Papeto I. Stories of the Soviet experience: memoirs, diaries, dreams. Ithaca; London, 2009.